

УДК 811.161.1'42

И. И. Степанченко

АНАЛИЗ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СТИХОТВОРЕНИЯ С. ЕСЕНИНА «НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ...» В ОРИГИНАЛЕ И В ПЕРЕВОДЕ НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

I. I. STEPANCHENKO. ANALIZ PARADIGMATICHNOI STRUKTURY VIRSHA S. ESENIINA «NE ZHALEJU, NE ZOVU, NE PLACHU...» V ORYGINALI TA V PEREKLADI UKRAINSKOJU MOVOJU.

Статтю присвячено аналізу парадигматичної структури лексики вірша С. Єсеніна «Не жалею, не зову, не плачу...» в оригіналі та в перекладі українською мовою. Зіставлення оригіналу й перекладу дозволило дійти висновку про те, що невідповідності парадигматичних структур пов'язані, головним чином, із зміною складу парадигм, що призводить до смислових втрат. Крім того, розрізнявальними ознаками оригіналу й перекладу є такі ознаки, як ступінь інтенсивності дії або прояву якості, ступінь охоплення об'єкта ознакою об'єкта, зміна асоціативних зв'язків, пом'якшеність протиставлень.

Ключові слова: парадигма, склад парадигми, парадигматична структура, оригінал, переклад.

I. I. STEPANCHENKO. ANALIZ PARADIGMATICHESKOJ STRUKTURY STIHO TVORENIA S. ESENIINA «NE ZHALEJU, NE ZOVU, NE PLACHU...» V ORYGINALE I V PEREVODE NA UKRAINSKIJ JAZYK.

Статья посвящена анализу парадигматической структуры лексики стихотворения С. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу» в оригинале и в переводе на украинский язык. Сопоставление оригинала и перевода позволило прийти к выводу о том, что несоответствия парадигматических структур связаны, главным образом, с изменением состава парадигм, что приводит к смысловым потерям. Кроме того, различительными признаками оригинала и перевода являются такие признаки, как степень интенсивности действия или проявления качества, степень охвата признаком объекта, изменение ассоциативных связей, смягченность противопоставлений.

Ключевые слова: парадигма, состав парадигмы, парадигматическая структура, оригинал, перевод.

I. I. STEPANCHENKO. ANALYSIS OF THE PARADIGMATIC STRUCTURE OF THE POEM "I DO NOT REGRET, I DO NOT CALL, DO NOT CRY" BY S. ESEIN IN THE ORIGINAL AND IN ITS TRANSLATION INTO THE UKRAINIAN LANGUAGE.

Paradigmatic analysis of the vocabulary is considered as a tool for comparative analysis of the original text and its translation into other languages. The article is devoted to the analysis of the paradigmatic structure of the vocabulary of S. Esenin's poem "I do not regret, I do not call, I do not cry" in the original and its translation into Ukrainian. The comparison of the original and the translation made it possible to come to the conclusion that the discrepancies between the paradigmatic structures are mainly related to changes in the composition of the paradigms, that leads to meaningful losses. In addition, the distinguishing features of the original and the translation are such signs as the degree of intensity of the action or manifestation of quality, the degree of coverage of the attribute of the object, the change in associative connections, the softening of the oppositions. In general, the paradigmatic structures of the original and the translation compared in this article are close.

Key words: paradigm, composition of paradigm, paradigmatic structure, original, translation.

© И. И. Степанченко, 2018

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1243670>

<p><i>Не жалею, не зову, не плачу, Все пройдет, как с белых яблонь дым. Увяданья золотом охваченный, Я не буду больше молодым.</i></p> <p><i>Ты теперь не так уж будешь биться, Сердце, тронутое холодком, И страна березового ситца Не заманит шляться босиком.</i></p> <p><i>Дух бродяжий! ты все реже, реже Расшевеливаешь пламень уст О моя утраченная свежесть, Буйство глаз и половодье чувств.</i></p> <p><i>Я теперь скупее стал в желаньях, Жизнь моя? иль ты приснилась мне? Словно я весенней гулкой ранью Проскакал на розовом коне.</i></p> <p><i>Все мы, все мы в этом мире тленны, Тихо льется с кленов листьев медь... Будь же ты вовек благословенно, Что пришло процветать и умереть.</i></p>	<p><i>Не жалію, не кричу, не плачу, Все пройде, як з білих яблунь дим. Золотом зів'янення позначений, Я не буду більше молодим.</i></p> <p><i>Ти тепер не так вже будеш биться, Серце, захололе наче сніг, Більше край березового ситцю Не заманить в мандри босих ніг.</i></p> <p><i>Дух бродяжий! Ти все рідше, рідше На устах бентежиш свій порив. Втрачена вже свіжість на обличчі, Шал очей і повінь почуттів.</i></p> <p><i>Я тепер скупішим став в бажаннях, О життя? чи снилось ти мені? Наче я в весняному поранні На рожевім проскакав коні.</i></p> <p><i>Всі ми, всі ми в цьому світі тлінні, Тихо лється з кленів листя мідь... Будь же ти навек в благословінні, Що прийшло цвісти і помарніть.</i> (перекладач – В. Яковчук)</p>
---	--

Парадигматический анализ лексики поэтического произведения предусматривает вычленение в лексике текста взаимосвязанных образно-понятийных рядов (парадигм), формирующих общую текстовую гиперпарадигму¹. Такой анализ служит не только инструментом исследования произведения, но и является средством сопоставления текстов. Цель данной статьи – проанализировать парадигматическую структуру стихотворения С. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу» в оригинале и выявить черты ее сходные и различные признаки с парадигматикой перевода произведения на украинский язык.

В. И. Харчевников, анализируя стихотворение, пишет: «Оно построено на развернутом: природа – человеческая жизнь. Как в природе неуклонно сменяются времена года, так и человеческая жизнь движется от поры цветения к зрелости, к увяданию, к смерти. “Не жалею, не зову, не плачу...” – эта первоначальная фраза, задавая тему, несет в себе двойной смысл: прямой смысл выражен в отрицании. Именно “не жалею, не зову, не плачу” (потому что) я не буду больше молодым <...>. Но в стихотворении <...> развивается и противоположный мотив: именно “жалую, зову, плачу” (потому что) я не буду больше молодым» [1, с. 98]. Исследователь делает вывод об оптимистическом настрое стиха, его светлой тональности. Всадник на розовом коне – символ утра, начала жизни, весны, молодости.

Можно согласиться с тем, что в стихотворении, как и в большей части других есенинских произведений, основные противоречия, антитезы, антиномии действительно развиваются на основе взаимодействия двух миров – мира природы и мира человека, представленных двумя лексическими парадигмами. Однако отношения между ними представляются более сложными, чем считает В. Харчевников. Наряду с силами притяжения здесь действуют силы отталкивания, противопоставления.

Развитие отношений между мирами человека и природы типичны для творчества Есенина – от отдельных точек соприкосновения к полному слиянию. Узлы пересечения двух миров:

*Все пройдет, как с белых яблонь дым (1 строфа)
Увяданья золотом охваченный,*

¹ Подробнее о парадигматическом анализе см. в [2].

Я не буду больше молодым. (I строфа)

(Интересно, что в этом случае, как и во многих есенинских стихах, наблюдается процесс, противоположный персонификации природных явлений, – человеческая личность рассматривается через призму качеств природных реалий).

И страна березового ситца

Не заманит шляться босиком (II строфа)

Пламень уст, половодье чувств, буйство глаз (III строфа)

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне. (IV строфа)

В пятой, последней строфе два мира практически неразделимы:

Все мы, все мы в этом мире тленны,

Тихо льется с кленов листьев медь...

Будь же ты вовек благословенно,

Что пришло процветать и умереть.

Средством связи парадигм является, в частности, такая форма выражения диалогичности, как местоимение. Местоимение ТЫ в III строке VI строфы, включая в себя Я и МЫ, в равной мере относится и к миру природы, и к миру человека, синтезирует диалогичность предшествующего текста, подводя итог диалога Я с ТЫ в обращениях лирического героя к СЕРДЦУ, ДУХУ БРОДЯЖЬЕМУ, БУЙСТВУ ГЛАЗ, ПОЛОВОДЬЮ ЧУВСТВ, ЖИЗНИ во II, III, IV строфах. Эти слова и словосочетания выстраиваются в единую парадигму "духовности", которая определяет особенности эмоциональной тональности стиха. "Предметные" образы, возбуждаемые членами этой парадигмы, ассоциируются со всем преходящим и прекрасным, что есть на земле. И не случайно, утверждая мысль о единстве всего сущего, поэт соединил в последней строфе эти три мира: мир Я, мир ТЫ и мир природы – в одном МЫ, которое в диалоге III строфы трансформируется в ТЫ.

Как и другие стихотворения Есенина, анализируемый текст построен на ряде общих и частных оппозиций. В основе стихотворения лежит антиномия временного плана. Ведущими парадигмами являются парадигма настоящего (ТЕПЕРЬ) и парадигма прошедшего. Временной пласт будущего только контурно намечен в тексте: ВСЕ ПРОЙДЕТ, КАК С БЕЛЫХ ЯБЛОНЬ ДЫМ; Я НЕ БУДУ БОЛЬШЕ МОЛОДЫМ.

Парадигма настоящего формируется не только за счет лексики (например, временного локализатора ТЕПЕРЬ), но и грамматически – с помощью употребления глаголов в форме настоящего времени: НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ; ДУХ БРОДЯЖИЙ, ТЫ ВСЕ РЕЖЕ, РЕЖЕ РАСШЕВЕЛИВАЕШЬ ПЛАМЕНЬ УСТ.

Парадигма прошлого: МОЛОДОСТЬ, СВЕЖЕСТЬ, БУЙСТВО ГЛАЗ И ПОЛОВОДЬЕ ЧУВСТВ, БИЕНЬЕ СЕРДЦА, ЩЕДРОСТЬ ЖЕЛАНИЙ и др.

Противопоставленные лексические ряды в процессе восприятия текста формируют в сознании читателя антиномию МОЛОДОСТЬ – ЗРЕЛОСТЬ, имеющую аналог в мире природы – ЦВЕТЕНИЕ – УВЯДАНИЕ. По существу, это второй вариант названной выше временной антиномии, ибо с цветением ассоциируется прошлое, с увяданием настоящее.

Лирический герой стихотворения анализирует свое состояние, противопоставляя разные временные пласты. Такой путь развития антиномии порождает два смысловых плана и формирует ряд более частных антитез. Первый план – это декларативная оценка лирическим героем своего нового состояния (временной пласт настоящего): НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ; ВСЕ МЫ ... ТЛЕННЫ; БУДЬ ЖЕ ТЫ БЛАГОСЛОВЕННО, ЧТО ПРИШЛО ПРОЦВЕсть И УМЕРЕТЬ. Лирический герой как бы убеждает самого себя в естественности и закономерности того, что с ним происходит, и аналогичные процессы в природе, на первый взгляд, подтверждают это: КАК С БЕЛЫХ ЯБЛОНЬ ДЫМ; ТИХО • ЛЬЕТСЯ С КЛЕНОВ ЛИСТЬЕВ МЕДЬ.

Однако в анализе состояния увядания есть и второй план. Молодость – это время, когда поступки совершаются по зову чувства, а не по убеждениям разума (И СТРАНА БЕРЕЗОВОГО СИТЦА НЕ ЗАМАНИТ ШЛЯТЬСЯ БОСИКОМ). Чувства порождают ДУХ БРОДЯЖИЙ, который в свою очередь способен РАСШЕВЕЛИТЬ ПЛАМЕНЬ УСТ, а ПЛАМЕНЬ УСТ – внутренняя раскрепощенность, свобода, питающиеся молодостью, – необходимы лирическому герою и для любви, и для поэзии. Любовь и поэзия неразделимы. ХОЛОДОК, ТРОНУВШИЙ СЕРДЦЕ, ПОГАСШИЕ УСТА – угроза поэтическому дару. И хотя этот мотив не получает в

стихотворении дальнейшего развития, он усиливает настроение трагичности, невозвратимости былого, подготавливая как бы невзначай прорывающуюся сквозь убеждения разума в естественности происходящего фразу, идущую от чувства:

*О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.*

Звучащая в этой фразе боль утраты, горечь сожаления о прошедшей молодости разрушает аналогию между увяданием в мире природы и в мире человека. В природе увядание протекает безболезненно, в мире людей этот процесс ощущается лирическим героем как величайшая драма. Так развивается второй план исходной антиномии, в котором человек и природа оказываются скорее противопоставленными, чем сопоставленными. Это оценка лирическим героем своего состояния с точки зрения чувства. Мысль и чувство вступают в противоречие.

Второй план порождает частную антиномию ОТЧАЯНИЕ – НАДЕЖДА. Увядание – это еще не смерть: сердце, и тронутое холодком, будет продолжать биться, хотя и не так, как раньше, желания останутся, хотя и станут скупее. Так в стихотворении возникают оптимистические нотки, хотя НАДЕЖДА и БОЛЬ по-прежнему являются противоположностями, несводимыми друг к другу. Противоречие не получило своего разрешения, обе части антиномии сосуществуют в сознании лирического героя, и это не дает оснований для единственно оптимистического вывода, сделанного в анализе В. И. Харчевникова. Заметим попутно, что анализ антиномий, не завершающийся их разрешением, снятием, предпочтением одному из двух противоречащих друг другу утверждений, характерен для поэтики С. Есенина в целом.

В III строфе, занимающей центральное место в стихотворении, – одна из ключевых строк:

*Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

МОЛОДОСТЬ – ВЕСНА – РАНЬ выстраиваются здесь в единую парадигму. Розовый цвет – это одновременно и цвет зари (РАНИ), и символ свежести, романтичности. РАНЬ, о которой вспоминает лирический герой, ГУЛКАЯ. Этот эпитет вызывает у читателя и ассоциации с топотом коня, и с моментальностью, быстротечностью счастья быть молодым, и с ураганом революционных лет, и с бурной молодостью лирического героя.

В последней строфе повторяется тема всего стихотворения, но в более минорном варианте и притом в сгущенном до сентенции.

Так в философском стихотворении 26-летнего С. Есенина анализируется пора зрелой мудрости, осознается временность и тем большая ценность бытия.

Обратимся к анализу перевода с точки зрения сохранения в нем парадигматической структуры оригинала. Хотя в целом перевод достаточно близок к оригиналу, в некоторых случаях адекватность нарушена. Слабое место перевода – изменение состава парадигм, приводящее к смысловым потерям. Случаи несовпадения оригинала и перевода отмечены полужирным шрифтом в тексте перевода.

Перевод *не зову – не кричу* вызывает у читателя представления, не соответствующие оригиналу, прежде всего с точки зрения интенсивности действия. «Не жалею, не зову, не плачу» связаны в единой парадигме признаком приглушенности, малой интенсивности действия. *Зову* – это обращение к юности, попытка вернуться к ней. *Кричу* – лишено этих ассоциативных связей.

Охваченный – позначений – различна степень охвата признаком объекта. *Золото увядания* охватывает лирического героя целиком, *позначений* – лишено этого значения.

Тронутое холодком – захололе наче сніг. К сердцу поэта лишь притронулся *холодок* увядания – в оригинале, в переводе – *сердце* поэта *холодное, как снег*. Различия вновь касаются степени проявления признака, интенсивности действия, но эти различия предстают как существенные, поскольку в переводе увядание предстает не как угроза поэтическому дару, а как ее осуществление этой угрозы. Потенциальный признак представлен как реальный.

Шляться босиком – в мандри босих ніг. При сохранении внешнего подобия перевода оригиналу произошло изменение ассоциативной структуры парадигмы «голос чувства». Исчезновение прозаизации, просторечной окраски препятствует вхождению образа в эту

парадигму, поскольку ослабевают ассоциация с неразумностью, спонтанностью движения души лирического героя.

Расивеливаєшь пламень уст. – На устах бентежиши свій порив. Пламень уст в оригинале синоним подлинного творчества. В переводе на русский язык *бентежити* имеет два значения: 1) волновать; тревожить; 2) заставлять испытывать неловкость, смущать, обескураживать. Очевидно, в тексте проявляется 1-е значение, которое «смягчает» влияние «на уста» бродяжьего духа, кроме того, разрушению образа способствует неизбежно возникающая ассоциация со 2-м значением.

О моя утраченна свежесть – Втрачена вже свіжість на обличчі. Существенные различия вновь связаны со степенью охвата признаком объекта. *Утраченна свежесть* ассоциируется не столько с изменениями внешнего характера (*на обличчі*), но и с изменениями внутреннего мира лирического героя, его мировосприятия. В переводе эта ассоциативная связь отсутствует.

Жизнь моя? иль ты приснилась мне? – О життя? чи снилось ти мені? При почти полексемном переводе второй части строки возникает эффект многозначности. В оригинале: «ты приснилась мне или прошла наяву?» В переводе, кроме смысла оригинала, формируется смысл: «ты снилась мне или не снилась?», явно противоречащий семантике контекста стихотворения.

Словно я весенней гулкой ранью – Наче я в весняному поранні. Неполная адекватность перевода связана с отсутствием важного смыслового звена оригинала – эквивалента *гулкой* (о его значении см. выше).

Что пришло процветать и умереть. – Що прийшло цвісти і помарніть. В переводе утрачена полярность, контрастность противоположности частей антитезы, противопоставление смягчено, и это приводит к тому, что образ из парадигмы, которая формирует антиномию ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, переходит в парадигму, подкрепляющую антиномию МОЛОДОСТЬ – УВЯДАНИЕ. Кроме того, глагол *процветать* выражает значение определенного промежутка времени, который неизбежно завершится. *Цвісти* – лишено этого значения.

Таким образом, в переводе в основном сохранена парадигматическая структура оригинала, проанализированная в первой части статьи. Нарушения касаются, главным образом, изменения состава парадигм, что приводит к смысловым потерям. Основными различительными признаками являются такие признаки, как степень интенсивности действия или проявления качества, степень охвата признаком объекта, изменение ассоциативных связей, смягченность противопоставлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харчевников В. Изучение С. А. Есенина в средней школе. Элиста: Изд-во Калмык, ун-та, 1979. 120 с.
2. Степанченко И. И. и др. Парадигматический анализ лексики поэтического произведения / И. И. Степанченко, М. П. Мирошниченко, К. В. Нестеренко, М. В. Оробинская, О. П. Просяник. К.: «Українське видавництво», 2014. 215. с.

(Статья поступила в редакцию 10 марта 2018 г.)